Незапертая дверь

Автор:
Мария Метлицкая

Незапертая дверь

Мария Метлицкая

Женские судьбы. Уютная проза Марии Метлицкой

Как часто, особенно в молодости, мы бьемся в запертые двери. Пытаемся найти за ними пылкую любовь, африканские страсти, нескучную, полную невероятных событий жизнь.

Увы, обычно эти двери так и остаются запертыми.

Но в своем безудержном стремлении к «киношной» жизни мы не замечаем, что рядом с закрытой дверью обычно есть открытая. Там нам рады, нас ждут.

И в обычной жизни спокойная любовь и стабильность – и есть счастье, а вулкан страстей хорош только в романах.

Мария Метлицкая не нуждается в представлении. Ее книги любят, читают, передают из рук в руки. Они из тех, что могут помочь в трудную минуту, когда не знаешь, как поступить и с кем поделиться.

Под обложкой книги – повесть и два рассказа, объединенные сквозной линией.

Что лучше – синица в руке или журавль в небе? Что выбрать: стучаться всю жизнь в запертую дверь или войти в незапертую, за которой нас ждут? Ведь страсть не живет вечно, а спокойная, «обычная» любовь как выясняется – живет.

Мария Метлицкая

Незапертая дверь

© Метлицкая М., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Незапертая дверь

Погода диктовала настроение. Погода командовала людьми. От нее зависели. Обсуждали ее вяло, но постоянно.

Город, и без того серый, мрачный, с низким, пугающим и давящим на психику небом, с раннего утра погрузился в густой, плотный сизый туман.

К полудню туман немного рассеялся, зато озверело набросился дождь – злой, колючий, холодный, настоящий ноябрьский.

Все ждали снега, снежка, который бы чуть оживил мрачные улицы, прикрыл безобразия в виде мусора и собачьих экскрементов, припорошил, прибелил, осветил. Но нет, снега не было даже на ноябрьские праздники, вернее бывшие праздники – сейчас их никто не справляет. Однако вспоминают: да, именно в эти дни почти всегда выпадал первый снежок.

Вслед за дождем с низкого неба, как из решета, посыпалась мелкая снежная крупка, но не долетала до земли, а уже в воздухе таяла и исчезала.

Катя нехотя поднялась со стула, дошла до закутка, где стояла кофемашина, а в пластмассовой сухарнице лежали скромные сушки, принесенные добрым человеком, там же стояли и разорванная коробка с остатками кубиков рафинада, и узкая баночка с сахарозаменителем – в их модном офисе многие следили за весом.

Она сварила двойной эспрессо, добавила чайную ложку воды, бросила два кубика сахара – уж ей-то лишние килограммы точно не грозили.

Хотелось есть, но в столовую, находящуюся в соседнем здании, соединенным с их корпусом длинным стеклянным коридором, идти было лениво.

Вздохнув, взяла три сушки, чашку с кофе и вернулась за компьютер.

За окном было грустно. Темно, ветрено, мокро. Сыпала снежная крупа, резко упала температура – оконный градусник уже показывал минус два. Ночью точно подморозит, а значит, с утра будет гололед.

Катя поежилась. Как же она ненавидит зиму! Катя любила тепло. Солнце, море, теплый песок. Сосны и дюны. Осень и зиму она не жила, а переживала, перетерпевала. В эти месяцы ей хотелось одного – надеть теплую бархатную пижамку и непременно носки, поставить на тумбочку свою любимую поллитровую, со щенком лабрадора, кружку со сладким чаем, рядом положить коробку мармелада, два мандарина и яблоко, нырнуть в кровать, закутаться в одеяло и блаженно закрыть глаза. Но самое главное – выключить телефон! Или забыть его в ванной, чтобы не слышать, не слышать, не слышать – ни писка, ни дребезжания, ни вибрации. И никого не слышать, вообще никого! Ни друзей, ни коллег, ни начальника. Ни даже маму! Уйти в спячку до весны, как медведь.

Ага, как же! Невозможно. Не то что до весны – до следующего дня! Если ее потеряют – ох, страшно представить, что тут же начнется! Мама, Верун, начальник, коллеги, заказчики! И Чемоданов. Наверное.

Мама будет рыдать и литрами пить валокордин. Верка сначала впадет в ступор, а выйдя, помчится в полицию, где устроит такое! Бедные полицейские… Коллеги начнут перезваниваться и сочинять страшные версии. Чемоданов примется обзванивать важных людей, и будет объявлен план-перехват.

Да, лучше не исчезать, потом не разгребешься.

Катя допила кофе, вымыла чашку и вернулась на рабочее место. От яркого дневного освещения болели глаза. Топили так сильно, что першило горло и сохла кожа. Крем для рук стоял на столе у всех женщин.

Часы показывали без пяти минут пять, а это означало, что рабочего времени оставался час. С одной стороны, ерунда, а с другой – много. Последний час тянулся, как резиновый. А главное впереди – еще предстояло добраться до дома. Задачка не из легких. На дорогах будет ад.

От пяти – или шести? – чашек кофе Катю мутило. Обедать она не ходила, и можно было представить – а с воображением у Кати, как у художника, проблем не было, – что в пустом и обиженном желудке плещется литр черного крепкого кофе.

Наконец рабочий день закончился, и все радостно и шумно повставали со стульев. У лифта толпился народ. Говорили, естественно, о погоде. Женщины надевали платки и шапки, мужчины поднимали воротники курток.

У входной двери застывали – выходить в этот мрак было страшновато.

Но самые отчаянные бросались за дверь, как в холодное море.

Народ потянулся к метро.

Катя добежала до своей машины, нырнула в нее и включила мотор.

«Ничего, ничего! – подумала она. – Пять минут – и будет комфортно. Не то что им, бедолагам. Правда, они, бедолаги, спустя полчаса или час окажутся дома, а когда там окажемся мы, автомобилисты… Вопрос».

Дворники еле справлялись с ветром и дождем, но в машине уже разливалось блаженное тепло.

«Ну, по коням!» – бодро сказала себе Катя и выехала с парковки.

Мимо проехала и просигналила голубая «Тойота» коллеги. Катя бибикнула в ответ.

Все было так, как, собственно, и ожидалось – машины еле ползли. Дорога была похожа на медленно движущуюся змею. Ужасно хотелось спать, и Катя врубила бодрящую музыку.

Как ей хотелось в теплые края! На бережок с травкой или песочком, возле журчащей серебристой речки или гладкого блестящего недвижимого, как зеркало, озера. Не говоря уж про море, теплое, нежное, бархатное. Как хотелось яркого, жаркого солнца, горячего песка, запаха водорослей!

Но где оно, это тепло, где это солнце и это море… Сейчас это точно не для нее. Потому что отпуск намечается только в августе, а до этого августа как до луны.

В общем, сплошное расстройство.

Ну почему человек живет не там, где ему хорошо? В климате, который ему не подходит и где у него постоянно депрессивное настроение? Кажется, как все просто – взять паспорт, купить билет и оказаться там, где ты будешь счастлив. Где каждое утро станет радостным и уютным, где тебе захочется жить, бегать по утрам на пустынной набережной и любоваться на голубую застывшую воду, завтракать на открытой солнечной террасе с видом на море или на горы, пить кофе и апельсиновый сок, есть круассаны. Сок, кофе и круассаны можно найти и дома, но тогда не смотреть в окно, потому что сразу теряется смысл.

А эти безумные пробки, отнимающие полжизни?

А нервы? Нервы везде – в пробках, магазинах, на работе. Потому что народ устает. От мегаполиса устает, от суеты, от погоды.

Ладно, как есть. Нечего жаловаться. А может, еще все получится и ей удастся изменить свою жизнь.

Зазвонил телефон, и Катя со вздохом вынырнула из сожалений и мечтаний. На дисплее высветилось – «Верун».

Верун, Верка, Верунчик – лучшая и самая старая подруга.

– Привет, – сказала Катя.

– Ты где? – без ответных приветов ответила невоспитанная подруга.

– В пробке, где же еще. Еду с работы, если тебе это слово знакомо! – съехидничала Катя.

Это была их обычная манера разговора: они постоянно друг друга подкалывали и почти никогда друг на друга не обижались.

Колкость Верка пропустила мимо ушей – много чести.

– Где – в пробке? Конкретно! – потребовала она.

– Господи, где, где, – с раздражением ответила Катя. – Тебе-то какая разница? Такая задница, что разницы нет!

– Я спрашиваю, где! – Голос подруги звучал угрожающе. – Ты далеко от дома?

– Неблизко, – вздохнула Катя. – А что?

– А то, – все так же сурово ответила Верка. – Срочно дуй на Мосфильмовскую!

Оторопевшая Катя делано рассмеялась:

– Да что ты! Прям так и дуй! И прям на Мосфильмовскую?

– Прям так и дуй! – подтвердила Верка. – Никуда не сворачивая!

Катя набрала побольше воздуху:

– Вер Андреевна, – ангельским голосом сказала она, – а вы, уважаемая, не желаете объясниться? Ну или сказать пару слов? Зачем мне, собственно, дуть и дуть не сворачивая? По какому такому случаю? Что-то важное, не позволяющее обождать? Событие или происшествие вселенского масштаба? Меня ждет сказочно богатый жених на белом «Майбахе»? Ну, как вариант. Или подарок в виде бриллиантового колье от королевы Елизаветы? Ну вдруг старушонка решила со мной поделиться? Дети и внуки ведут себя плохо, а я, Катя Воронцова, вполне ничего. А может, мой тайный поклонник передал тебе ключи от особняка на Рублевке? Что же там меня ждет, чтобы я, мечтающая о чашке горячего чая и бутерброде с ветчиной, о теплой пижаме и родной, самой

любимой кроватке, о книжечке, о сериале, о покое, наконец, дула на эту твою Мосфильмовскую? Я устала, как сто чертей, за эту неделю, я пашу, как папа Карло, в отличие от некоторых. Сегодня пятница и конец рабочей недели, и я еле жива. Вера! Мне хочется материться! Мне всегда хочется материться, когда я слышу тебя и твои идиотские предложения или приказы! Вера, ты меня слышишь? – Катя уже кричала.

– Неужели всегда? – расстроенно переспросила Верка. – Прям точно – всегда?

– Что – всегда? – не поняв, оторопела Катя.

Верка засмеялась:

– Материться – всегда? Остроумная ты наша!

– Ну ты и дура, – выдохнула Катя.

Но напряжение было снято. В детстве и юности они часто цапались, но так же быстро мирились – поссориться с Веркой было проблемой. Поэтому и дружили так долго.

– Ладно, – примирительно и устало сказала Катя. – Не всегда. Но очень часто. Вер, я еле живая! Вот честно. За все деньги мира никуда не поеду. Ни на Мосфильмовскую, ни даже ближе! Думаю об одном – доехать домой. Доехать и рухнуть. Но тебе не понять.

– Прижмись к обочине, – скомандовала Вера. – Встань, слышишь! А то врежешься, не приведи господи, и я буду виновата.

– Прижалась, – соврала Катя.

Какая обочина! Поди прорвись к этой самой обочине! Машины в четыре разрешенных ряда и пятый – куда ж без него, – самообразованный недисциплинированными водителями. А таких в столице большинство.

– Встала? – недоверчиво уточнила Верка. – Ну тогда слушай. Внимательно слушай. Короче…

– Вот именно! – перебила ее Катя. – Помни об этом!

На очередную подколку Вера не среагировала.

– Примерно два года назад, по осени, было довольно прохладно, моросил мелкий дождик, и Юля моя прогуливалась с Шопеном. Тот сделал свои дела и тянул Юлю домой, ты же знаешь, какой он любитель дождя. Вдруг картинка – на мокрой скамейке сидит старушонка. Жалкая такая, в потертом пальто, в бархатной шляпке прошлого века, в таких же перчатках и с сумочкой. Глаза у старушки закрыты.

Ну Юля моя и подумала: «Трындец, померла старушка. Что делать, кого вызывать?» Короче, маман растерялась и засуетилась, тычет в телефон, пытается вызвать «Скорую».

А во дворе как назло никого! Но странное дело – Шопен спокоен. Обычно собаки чувствуют, если покойник. А этот обнюхал бабулю и пошел дальше. Тут Юля сообразила – подошла к старушке, подергала за рукав, а та и глазоньки открыла! И стала извиняться: вот, типа, старая вешалка! Села и уснула! Милая такая, интеллигентная. Ну из обломков, ты понимаешь.

– Из каких обломков? – не поняла Катя.

Вера вздохнула:

– Прежней жизни, Кать. Я еще помню таких на Арбате. Шляпки, шарфики, перчаточки. Авоська с кефиром. Эх… Но теперь по понятным причинам старушки исчезли. Так вот, – с воодушевлением продолжила Вера, – не отвлекай! Проводили Юля с Шопеном бабулю, довели до квартиры, обменялись телефонами и попрощались. Ты мою матушку знаешь: и «звоните», и «обращайтесь», и «не волнуйтесь, я рядом!»

Но бабуля ее убедила, что она со всем справляется и ничем ее не обременит. По крайней мере, очень будет стараться. Есть у нее и социальный работник, и знакомые, и соседи.

Но ты ж мою мать Терезу знаешь – Юля позванивала бабуле, угощала пирогами, Что-то приносила из магазина.

В общем, они подружились.

В хорошую погоду вместе гуляли, болтали о том о сем, бабуся оказалась собачницей и полюбила Шопена.

– Слушай, Вер! – не выдержала Катя. – Давай покороче! Ты во сколько сегодня встала? В двенадцать? А я в семь, Вер! И отработала день! И сейчас ты в теплой квартире пьешь кофе и куришь свой айкос! А мне, Вер, до дома как до луны. И вообще – зачем мне эти подробности?

– Потерпи, – безапелляционно ответила Верка, – и все станет ясно.

«А ведь не отвяжется, – с тоской подумала Катя. – Верке скучно, спешить ей некуда. Вот ведь зараза!»

Тем временем Вера продолжала:

– Пару лет назад у Эмилии – ее звали Эмилия, Эмилия Рейнардовна, папаша был латыш или литовец, не помню, да это и не важно.

– Да что ты? – с деланым удивлением воскликнула Катя. – Неужели не важно?

Верка невозмутимо продолжила:

– Пару лет назад, – повторила она, – у Эмилии умер муж. Детей у них не было. А людьми, между прочим, они были непростыми! Он – известный ученый, что-то в области химии, она – художница на «Мосфильме», тоже известная. Знаешь, сколько картин она сделала? Я услышала и офигела! Вся наша советская классика, представляешь? Все, что мы в детстве смотрели!

Так вот. Мне еще тогда маман сказала: «Познакомься с Эмилией Рейнардовной, предложи свою помощь. Она на ногах, мозги в полном порядке, никаких старческих закидонов, и самое главное – никаких родственников! Вообще никаких! В смысле, близких, московских. Есть какая-то двоюродная сестра в

Молдавии, но с ней они сто лет не общаются». Ты поняла? – с нажимом спросила Верка.

– Квартира? – вздохнула Катя. – Ну что сказать… Юлия Павловна беспокоится. Хочет, чтобы у тебя было собственное жилье. А что тут такого? Юля – мать. Ты – балда и разгильдяйка, все понятно. Короче, предложила тебе взять бабулю под опеку?

– Ну да, – усмехнулась Верка. – Но главное, чтобы Мусику ее любимому, сыночке дорогому, наша квартира досталась! А дочка – пусть сама зарабатывает! Ну да, все понятно! А то мы не знаем! Вот почему она Мишке не предложила?

– Перестань, – отозвалась Катя, – ты не работаешь, свободного времени куча, ты одна, живешь недалеко, а у Мишки семья, двое детей, и живет он на другом конце города. Не придумывай, Вер! Все логично.

Комментариев не поступило. Странно. Обычно на эту больную тему – кто у матери любимец – Верка реагирует быстро и болезненно.

– Я, разумеется, отказалась! – с пафосом ответила Вера. – Буду я из-за квартиры! Это сейчас бабушка на ногах и при голове, а что будет завтра? Вот именно. Ну и послала я Юлю подальше. Все, не психуй, выходим на финишную прямую! Ты, кстати, где?

– На обочине, – соврала Катя. – Давай закругляйся!

– Ну вот, – продолжила Верка, – ты уже поняла, что квартирка бабулькина мимо. Недавно Эмилия, царствие небесное, отправилась в лучшие миры, написав завещание молдавской сестрице, потому как больше некому, ну и сестрица эта приехала, подала заявление на вступление в наследство и заторопилась к родным берегам. Там у нее дети, внуки, сад, огород, от столицы бабка молдавская ошалела, жалуется, что голова кругом, и хочет квартирку освободить. Катька, короче! Тотальная распродажа! Sale, sold, finish total! – Верка наконец замолчала. Переводила дух.

Катя не понимала, как реагировать – наорать на Верку, коротко, но емко обложить или бросить трубку, рассориться на несколько дней?

Она молчала.

– Кать! – жалобно подала голос Верка. – Ну ты чего? Там столько добра! И все за копейки – молдавская тетка ни черта не понимает! Говорит, мне все равно, и так, типа, свалилось богатство, и хлам этот, рухлядь – только бы вынесли. Короче, магазин фиксированных цен, где все по пять, знаешь такие?

– Вер! И вот из-за этого, прости, говна, я потеряла час времени? Ты предлагаешь мне приехать и ковыряться в старушечьем барахле? В чужих тряпках? У тебя как с головой, Вера? Или ты издеваешься?

– Дура! – ничуть не испугавшись Катиного гнева, ответила та и передразнила: – «В барахле, в старушечьих тряпках»! Да там антиквариат, кретинка! Юля сказала, комоды старинные, лампы какие-то, тарелки настенные! Вазы, посуда! Бабка ведь не простая была, из бывших! К тому же – всю жизнь на «Мосфильме»! Неблагодарная ты, Воронцова! Юля, благородный человек, условие родственнице поставила – первой запускаем нашу Катьку, а потом всех остальных! Там уже соседи ломятся, знакомые всякие! А значит, есть на что посмотреть! У тебя право первой ночи! А ты, зараза? Бедная Юля твердит: «Катюша строит свой дом, Катюша дизайнер, Катюша обставляет дорогие особняки и квартиры, Катюша обожает барахолки и блошиные рынки, Катюша любит старинные штучки!» – Веркин голос дрожал от негодования.

«Еще пять минут, и мы разругаемся», – подумала Катя.

Такое бывало не раз: ссорились и накоротко, и надолго.

Как-то не разговаривали полгода. Обе переживали, мучились. Уступила Катя.

Из-за чего они тогда поссорились? Кто бы вспомнил! А казалось, что навсегда.

– Ладно, Вер! Извини. Просто я очень устала. Говорю же, пятница, конец рабочей недели. Погода эта дурацкая. Ты же знаешь, что зимой меня нет! Извини, Верун, не обижайся! И тете Юле большое спасибо! Правда, про «строю дом» вы немного загнули. – Катя невесело усмехнулась. – Ну ладно, все, еду, Вер! А ты там, у мамы?

– Дома я, – буркнула Верка. – А Юля караулит. С виду бабка простецкая, но хитрая, мечтает, чтобы все вынесли поскорее. Соседей оббежала, по двору раззвонила. Но Юля стоит насмерть, ты ее знаешь! Так ты где, Кать? Сколько осталось?

Катя переключила навигатор на Мосфильмовскую. «Не надо врать, никогда не надо врать, – подумала она. – Никогда у меня не получалось, нечего и пытаться». Навигатор выдал маршрут: сорок минут. Не так много при нынешней ситуации.

Катя отчиталась и повторила вопрос:

– Так ты будешь?

Верка засуетилась:

– Попозже, когда, не знаю, есть одно дельце.

Все ясно. Дельце – это очередное свидание. Мужик с какого-нибудь дурацкого Тиндера или наподобие. Ой, не дай бог, влипнет подруга! Дура, конечно, а с другой стороны… Где взять мужика, если ты не работаешь и сидишь дома? Где познакомиться, если ты никуда не ходишь? Как устроить личную жизнь, когда тебе за тридцать?

Терять Верке нечего: квартира чужая, машины нет, денег тоже. Аферисты ей не страшны. Но все равно, конечно, опасно.

Верка ушла от матери не так давно, несколько лет назад. Юлия Павловна, для Кати тетя Юля, была женщиной славной, современной, своей. Но это для Кати, а с Веркой они бодались почти ежедневно. И Юлю можно было понять – Верка давала ей прикурить. Еще как давала! С самого детства.

Мишка, Веркин брат, был мальчиком спокойным, послушным и тихим. Учился прекрасно, посещал секции, увлекался рисованием. А Верка росла пацанкой, оторвой: рваные брюки, ссадины, разбитые коленки. Училась она неважно, секции тут же бросала, закурила в тринадцать, впервые поцеловалась тогда же.

Юлин муж, отец Верки и Мишки, свалил к новой жене и в воспитании не участвовал. Правда, деньжат подкидывал и привозил из заграничных командировок подарки.

Верка подарки брала – с паршивой овцы хоть шерсти клок, а обиженный и гордый Мишка не брал, чем очень радовал Юлию Павловну. Мать он любил до самозабвения. Ну и разумеется, жалел. Та отвечала взаимностью.

Юлия Павловна была женщиной героической – научилась шить и вязать, из одной курицы могла сделать обед на неделю, и никто не был голодным. Потом Юля пошла на бухгалтерские курсы, устроилась в совместное предприятие и стала хорошо зарабатывать. Замуж больше не вышла – а могла бы, ухажеры у нее водились, Юля была женственной, милой, хорошенькой. Но замуж – нет, не дай бог, а вдруг избранник обидит ее детей!

Кстати, жертву эту дети приняли как должное, и спасибо никто не сказал.

Мишка окончил институт, работал в банке на неплохой должности, женился на хорошей девочке, родили детей. Все у него было как надо. Он оставался маминой радостью, гордостью и отрадой.

С Веркой все было сложнее. Институт та бросила, пару лет жила со странным и мутным парнем по имени Лева. Занимался этот Лева чем-то непонятным, но явно с криминальным привкусом. Карты, выпивка, странный бизнес, странные люди в доме.

А потом Лева пропал. Верка искала его, трясла его друзей и знакомых, нанимала частных детективов, но никаких следов не нашли. Когда кончились деньги за оплату квартиры, она вернулась домой, а спустя полгода пошла работать в ларек у дома: газировка, пластмассовые пупсы, глянцевые журналы, газеты, сувениры. Платили копейки, но на сигареты и трусы, как говорила Верка, хватало.

Для Юли, умницы и трудяги, это была трагедия. Дочь она пилила без передышки. Умоляла получить профессию – любую, хоть головой, хоть руками. Да что угодно, только чтобы быть при деле.

А Верка, приходя из киоска, валялась на диване и смотрела бразильские сериалы.

А потом появился сосед Костик, влюбленный в нее с начальной школы. Костик, странный, смешной и нелепый, Верку обожал и сделал ей предложение. Та ответила, что ей надо подумать.

С замиранием сердца Юля ждала ответа. К слову, партия эта была неплоха – у Костика имелись собственная, доставшаяся от бабушки однокомнатная квартира, старенький «опелек», и работал он в телефонной компании.

За три месяца до свадьбы Верка и Костик заселились в бабушкину квартиру.

Родители Костика от выбора сына в восторге не были, но лучше пусть будет знакомая семья и знакомая девушка, чем эти приезжие проходимки, гоняющиеся за московской пропиской.

Верка, конечно, не суперневеста, зато из приличной семьи.

Купили кольца, платье и костюм. Заказали ресторан.

А накануне свадьбы Верка дала отбой. «Не люблю, не хочу и вообще отстаньте от меня!»

Костик плакал, как ребенок. Уйти из квартиры Верке не дал. Ушел сам, вернулся к родителям. А Верке сказал: «Устраивай жизнь, а там посмотрим». Обалдев, та не нашлась, что ответить.

Юля рыдала, Шопен, чудесный пес породы корги, ей жалостно подпевал.

Мишка сказал, что Костик полный идиот. Катя с ним согласилась.

Родители Костика требовали срочного Веркиного выселения. Костик ответил им коротко, но очень емко. Испуганные родители замолчали и перестали здороваться с Юлей.

Верка мучилась угрызениями совести, но продолжала жить в Костиковой квартире и каждый день обещала взяться за ум, устроиться на работу и покинуть чужую жилплощадь. Все этого ждали, но больше всех Юлия Павловна, потому что умирала от стыда.

Только Костик ждал другого. Он ждал, что Верка одумается и его позовет. Вот тогда-то у них начнется новая и прекрасная, абсолютно счастливая семейная жизнь. Любовь творит чудеса, где-то он это слышал. А Костик был очень доверчив. И еще он, Костик, тоже сотворит чудо. Он любимую «высидит».

В общем, все ждали развязки. Только чего ждала наглая Верка?

Она нигде не работала, на еду и сигареты ей подбрасывал брат Мишка, да и Юля, хоть и скандалила с дочерью, но, как любая мать, все-таки жалела и привозила кастрюльки с провизией. Не забывал неудавшуюся невесту и Костик, он тоже что-то подкидывал.

Катя скандалила с лучшей подругой, пыталась убедить ее, что работать необходимо, рассказывала, какое счастье ни от кого не зависеть, стыдила ее, называла клещом, паразитом и прихлебателем, но Верка была непробиваема. В какой-то момент они перестали общаться. Ну а потом, как было не раз, помирились.

Верка была нахальной, ленивой, бессовестной, и все-таки ближе нее у Кати никого не имелось. А Верка была верным другом. Верка была не болтлива, Верка не сплетничала и, самое главное, никого не осуждала. Верка была доброй и смелой и всегда заступалась за обиженных и слабых. Верка была доброй до идиотизма, из тех, кто снимет с себя последнюю рубашку.

И при всех ее, мягко говоря, чудачествах и странностях, Верка умела выслушать, дать совет, да просто поддержать в тяжелые минуты.

А таких минут было много.

Да и дружбу длиной во столько лет не перечеркнешь и в окошко не выбросишь.

Катя пришла в новую школу в третьем классе после развода родителей. Двухкомнатная квартира на Большой Пироговской после развода была поделена честно – однокомнатная на Профсоюзной бывшей жене и дочке и комната в коммуналке отцу. Правда комната была в центре – в «спальники» отец, родившийся и выросший в центре, переезжать отказался.

Катя стояла у окна и смотрела на Профсоюзную. По обеим сторонам самой длинной московской улицы текли реки машин. На одиннадцатом этаже был слышен постоянный, непрекращающийся гул, который немного угасал к середине ночи.

После старой, любимой и родной школы новая, пахнувшая краской и тушеной капустой, Кате не нравилась. Все там было чужое. «Но что поделать, такая жизнь, – с тяжелым вздохом сказала мама. – Мне, кстати, тоже несладко – раньше ходила на работу пешком, а сейчас…» – И она махнула рукой.

Кстати, еще года полтора после учебы Катя ездила в старую школу.

Где-то с месяц Верка наблюдала за Катей. А потом подошла и сказала: «Пошли домой вместе?»

С того дня они подружились.

И постепенно благодаря новой подружке Катя привыкла и к новой школе, и к новому району. Он ей даже понравился.

Недалеко был лес, где девочки кормили с рук белок. Совсем рядом – Ленинский проспект со множеством магазинов, кафешек и кинотеатров. В чешском магазине «Власта» они зависали, рассматривая бижутерию. В югославском «Ядране» стояли за голубым лаком для ногтей. В немецком «Лейпциге» убивались за трусиками с кружевами.

Первые влюбленности, первые проблемы с мальчиками, родителями и учителями – все делили пополам.

Веркина мама Юля и Катина – Ольга стали приятельницами. Судьбы похожи: развод, раздел имущества, воспитание детей в одиночку. Обеим было несладко.

Только спустя много лет, став взрослыми, подруги обсудили и удивились – а ведь мамы тогда были совсем молодыми! Наверняка им хотелось любви, отношений, крепкого плеча и поддержки, а они тащили все сами.

С отцом Катя общалась примерно раз в месяц. Встречи эти были почти формальными: кафешка, киношка, немного денег «на шпильки». Катя смотрела на него и думала: «Странные люди эти мужчины. До развода этот сейчас почти чужой мужчина был самым трепетным, нежным и заботливым отцом. Что с ним стало, что такого произошло, что и он, нервно посматривая на часы, кажется, отрабатывает номер?»

– Отвык, – объясняла мама. – Мужики не так привязаны к детям, как женщины. Ну и вообще, – усмехалась она, – запомни: они из другого теста, и никогда не жди от них того, чего они в принципе дать не могут! Хотя, конечно, бывают и исключения.

Со временем встречи стали более редкими. К тому же отец женился. Первое, что он сделал при встрече, – с гордостью показал фотографии со свадьбы.

Новая жена отца впечатления не произвела: женщина и женщина, стройная, светленькая, с невыразительным, заурядным, но вполне милым личиком. В принципе мамин типаж. Но мама была посимпатичнее, повыразительнее, поярче.

Ну да бог с ними, были бы счастливы.

С Нонной, отцовской женой, Катя познакомилась через несколько месяцев.

Жили молодые в Нонниной квартире в районе Измайлово. Стандартная двушка со стандартной мебелью, ничего примечательного. У стандартной женщины стандартный интерьер. Но чисто, хозяйкой Нонна оказалась хорошей.

Стол был уставлен всевозможными закусками, тоже стандартными, привычными, но вкусными – салат оливье, селедка под шубой, холодец, пирожки.

Отец ел и нахваливал. Нонна смущалась.

– Любишь ее? – спросила Катя отца.

– Ценю, – усмехнулся отец. – Да и пора было к бережку прибиваться, не мальчик. Знаешь, как одному? Да и годы, дочь, годы.

– Я про любовь.

– Про любовь, – затягиваясь, повторил отец, – про любовь, говоришь? А про любовь я не знаю, – честно признался он. – Вот с Ольгой у нас была большая любовь. Казалось, что навсегда. Интересы общие, молодость общая. Друзья. Ребенок, в конце концов. И что на выходе? А на выходе, дочь, развод и раздел имущества. А ты говоришь – любовь…

«Не любит он эту Нонну, – подумала Катя. – “Прибился к бережку”. Ну и ладно, пусть будут счастливы».

Но почему-то ее это утешило.

У них вправду была любовь, у ее родителей. Катя помнила, как они целовались в коридоре, а она, маленькая, страшно смущалась. Была хорошая и крепкая семья: по выходным лыжи или вылазки за грибами, консерватория или театр, застолье с друзьями. Шумные, веселые, молодые! Отдых на море, где отец учил ее плавать, а по вечерам на набережной они сидели в кафе – родители пили шампанское, а Катя ела мороженое.

Было счастье, было, но куда все исчезло, куда испарилось? Отец «прибился к бережку», мама одна…

Разве кто-то из них стал счастливее?

Повзрослев, Катя спросила у мамы:

– Ты ни разу не пожалела?

Та пожала плечами:

– Не знаю. Молодость. Амбициозность. Дурные были, не уступали друг другу. Лезли на рожон, что-то доказывали, а что – не помню. Ты представляешь – не помню! Выходит, ничего серьезного? Дураки – думали, если уступишь, если согласишься, то потеряешь себя. А ведь любили друг друга и понимали.

Грустно. Ужасно печально и грустно. А жизнь почти пролетела – маме к пятидесяти, и вряд ли она устроит свою личную жизнь.

Получив профессию дизайнера интерьеров, Катя стала хорошо зарабатывать. Конечно, не сразу, а постепенно, когда заработало сарафанное радио. Спустя несколько лет уже она выбирала клиентов, а не они ее.

Оформляла квартиры и загородные дома – в те годы они росли как грибы. От заказов в стиле хай-тек и минимализм Катя отказывалась – не ее. Белые стены, мебель на хлипких ногах, неудобные диваны, лаконичные светильники – холодно и казенно.

Катя любила английскую классику, стабильность и традиционность, массивность и изящество – Уильяма Морриса и Томаса Чиппендейла. Старую добрую Англию, с тяжелой устойчивой мебелью, уютом, комфортом, множеством картин и картинок на стенах, с тонкой, в цветочек, посудой, занавесками с кружевом, цветами в горшках.

Но все же самыми любимыми Катиными стилями были ар-деко и ар-нуво.

Климт, Муха, размытые и неяркие лилии на обоях, изящные бронзовые светильники с цветными плафонами, плавные, без углов и резкостей, детали интерьера, ладьеобразные вазы, конфетницы и сухарницы, рамы для зеркал и картин, полукруглые кушетки, мягкие пуфы. Стиль тонких, хрупких красавиц в тюрбанах и летящих полупрозрачных платьях, с мундштуками в тонких аристократических пальцах, с черной обводкой вокруг глаз, и длинными, до талии, в несколько рядов, бусами.

Но ценителей такого стиля было немного. Неожиданно разбогатевшие соотечественники требовали интерьеров, кричащих о несметных богатствах.

Катя спорила с ними, ругалась, уходила, иногда возвращалась, но уже на своих условиях. Если с ней соглашались, начиналась работа.

Работала она упоенно, не помня о времени, забывая о личной жизни. А когда сдавала заказ, закрывалась в своей квартире и пару дней приходила в себя.

В те годы ей удалось заработать и на свою квартиру, и на хорошую машину, и на квартиру маме – рядом, конечно, рядом. Двухкомнатную, в новом доме, с пятнадцатиметровой кухней и двадцатиметровой спальней.

Дизайн квартиры Катя делала сама.

Мама зашла в свой новый дом после того, как было все готово, стояла мебель, висели шторы и светильники. Это было Катино условие.

Мама прошлась по квартире, прислонилась к стене, закрыла лицо руками и заплакала. Катя гладила ее по голове, как маленькую девочку. И в эти минуты ей казалось, что мама ее маленькая дочка. Мама была совершенно счастлива и все приговаривала, что на такое она и рассчитывать бы не смела.

– Ну а теперь устраивай личную жизнь! – велела Катя. – И уходи с работы. Я тебя прокормлю.

С работы мама не ушла, еще чего! И в клубы знакомств не записалась. Зато поехала в Палангу, в спа-отель. Путевку купила Катя.

– Трудно привыкать к роскошной жизни, – смеялась мама, – но знаешь, приятнее, чем к плохой.

В Литве Ольга Евгеньевна познакомилась с мужчиной, вдовцом, врачом из Ульяновска. Завязался нешуточный роман. Игорь – так звали маминого знакомого – прилетал в Москву каждые выходные. И все, казалось бы, было прекрасно. Ольга Евгеньевна помолодела, похудела, и наконец у нее загорелись глаза.

Уже всерьез обсуждали переезд Игоря в столицу, подыскивали работу, а в родном городе он начал продажу квартиры. Но тут, как говорится, случилось

непредвиденное. Заболела и слегла мать Ольги, Катина бабушка.

Начались бесконечные больницы, врачи и неотложки. Точного диагноза не было, сплошные предположения. А бабушка не вставала.

Что делать – Ольга Евгеньевна забрала ее к себе.

Игорь затормозил со своим переездом.

У бабушки улучшений не было, Ольге было не до Игоря, и нанятая Катей сиделка положение не изменила.

Игорь приезжал реже, накоротко, и эти сутки они проводили в гостинице. Так продолжалось три года, и постепенно затихло.

Однажды он позвонил и сказал, что собирается жениться.

Так закончилась мамина новая счастливая жизнь. Она впала в депрессию, ходила со стеклянными глазами, а Катя думала об одном: «Слава богу, есть деньги!» Есть возможность оплачивать частных врачей, частные клиники и санатории. Через три месяца после бабушкиной смерти Ольга Евгеньевна и Катя отправились в кругосветное путешествие.

«Не судьба мне пожить счастливой семейной жизнью, – с грустной улыбкой вздыхала Ольга Евгеньевна. – Выходит, мой путь – путь одиночки. Ну и ладно, так даже привычнее. И уж точно спокойнее. Да и вообще – два раза любила, была счастливой – и хватит! Другим и этого не выпадает».

Ну да, тоже правда… А то, что Игорь оказался таким ненадежным человеком… Так, может быть, лучше, что на том этапе, а не потом? Только поди все это переживи.

Спустя некоторое время, когда предательство Игоря уже воспринималось не так остро, мама сказала:

– А знаешь, Катюш, в принципе хорошо, что так получилось. Ей-богу! Сейчас я это понимаю. Привыкать к постоянному присутствию чужого мужчины, терпеть

все его капризы, болячки, претензии и привычки – нет, не хочу! Любить надо в молодости, когда много сил. А в моем возрасте редко бывает любовь. Так, стремление не остаться в одиночестве, иметь поддержку, друга, в конце концов. А постель – поверь, это даже не на втором плане. Что у нас было? Затянувшийся конфетно-букетный период, а не семейная жизнь. Я всегда при параде и всегда начеку. Он тоже держал марку – как же, жених. А в семейной жизни сплошная проза: усталость, раздражение, взаимные обиды. Болезни, в конце концов.

Те пары, которые живут с молодости, знают друг друга и видят насквозь, и понимают друг друга с полувзгляда – это одно. Да и с привычками смиряются, привыкают.

А здесь? Да что мы, по сути, знали друг о друге? Так, общие анкетные сведения. Что-то скрывали, где-то подвирали – всем охота выставить себя в лучшем свете.

А сколько в человеке подводных камней, сколько течений? Как он проявит себя в сложной ситуации, готов ли ее с тобой пережить?

– Он уже проявил себя в сложной ситуации, – отозвалась Катя. – Красиво проявил, что говорить.

– Вот и я о том, – подхватила Ольга Евгеньевна. – Значит, все правильно. В общем, в определенном возрасте и от одиночества можно получать удовольствие! А свобода? Нет, я не жалею!

В Катиной жизни тоже было два больших романа.

Мама смеялась: «Но в отличие от меня у тебя все еще впереди!»

Ну да, впереди. Правда, и годки текли-утекали, драпая, как последние предатели. А когда исполнилось тридцать три, вдруг стало страшновато. А если больше ничего такого в ее жизни не будет? Просто не случится – и все? Нет, она не про мужчин – ухажеры не переводились, – она про любовь. А выходить замуж без любви, Катя была уверена, неправильно.

Да и ребенка хотелось. Мальчика. Сына. Защитника и помощника. Правда, сейчас женщины рожают и в сорок, и за сорок.

И все-таки поздновато, считала Катя. Когда тебе за сорок, ты обязана состояться. Иметь дом, машину, семью и ребенка, сделать карьеру. В сорок твоя жизнь уже должна вырулить на финишную прямую. Не в смысле, что пора готовиться к пенсии и покою, а в том смысле, что основные и ключевые вопросы должны быть решены.

Но, как известно, расскажи Господу о своих планах, и он посмеется…

Все на месте и никаких перемен.

Первый Катин роман случился в двадцать лет. «Поздновато, – веселилась Верка. – Ты у нас девушка с задержкой развития».

Очень смешно. В двадцать лет Катя познакомилась с Кириллом.

Кирилл выглядел настоящим мачо – автогонщик, музыкант и к тому же врач-хирург. Среднего роста, коренастый, спортивный, с простым, но симпатичным лицом.

В начале их с Катей романа Кирилл разводился с женой.

Катя не спрашивала почему. Она вообще робела в его присутствии. Взрослый, сильный, серьезный, с большим жизненным опытом. Кто она рядом с ним? Мамина дочка, студенточка, девочка-мышка.

Роман был красивым – гоняли на его огромном красном мотоцикле по Подмосковью. Катя зажмуривала глаза, но не признавалась, что ей страшно. Останавливались в лесу или в чистом поле, снимали шлемы и целовались. До одури целовались, до окровавленных губ.

Катино грехопадение было весьма романтичным и по-киношному красивым – на поле, в стогу еще свежего, сыроватого, ароматного сена. Кирилл не говорил о любви, не обещал жениться и, если честно, вообще ничего не обещал.

Намотались они в то лето будь здоров – Карелия, Крым, Вологда.

И все было классно. Так классно, что Катя боялась подумать о будущем.

С Кириллом было здорово, и она была влюблена – что еще надо? Особенно когда тебе двадцать.

Но лето кончилось, кончились и каникулы, и затяжной отпуск Кирилла. Наступила осень – пора слез, как говорила мама.

Уже в сентябре зарядили дожди, а бабье лето было коротким как никогда – дня четыре, не больше.

И встречи их стали редкими и совершенно другими, совсем не такими, как на бескрайних просторах, на берегах голубых неподвижных озер или стремительных речек, на узких горных тропинках или на теплых, пахнувших хвоей пригорках в карельском лесу.

Москва не приняла их любовь. Она враждебно смотрела глазницами темных окон, пустыми холодными бульварами, шумными, кишащими машинами улицами, несметными толпами народа.

Они встречались в чужих, случайных квартирах, ложились на чужие простыни, и все это было слишком поспешно, коротко и немного деловито, как будто хотели поставить галочку.

Кирилл все время спешил – на дежурство, к другу, на репетицию. А ей хотелось уснуть в его объятиях, на его груди, и ощущать его тело и его запах, дышать его кожей и волосами. За лето она так привыкла…

Но они торопливо одевались, быстро и халтурно прибирались и покидали неуютное чужое жилье.

В гостиницах было еще хуже и еще противнее. После этих встреч Катя всегда плакала. Все должно быть не так! Совсем не так, она это знает! И все эти дурацкие отговорки, все эти идиотские поводы, вся эта спешка, соитие, собачья свадьба. Ужасно.

Ей хотелось бродить с ним по улицам, целоваться на последнем ряду в кинотеатре. Сходить в театр. В гости, да, именно в гости – к его или ее маме, к его друзьям.

Но нет, ничего этого не было. Только эти квартиры с чужой мебелью и чужими запахами.

– Как твой развод? – однажды спросила она. – Он закончился?

Кажется, он разозлился:

– В процессе, – коротко бросил он. – И вообще – не заморачивайся! Есть бывшая жена, наши с ней отношения и наш развод. И есть ты, девочка Катя. И это две параллельные, непересекающиеся истории. Ты меня поняла?

Катя кивнула. Только ничего она не поняла. Ни-че-го!

Понятно, что параллельные. Но кто она, девочка Катя, для него? Какое место она занимает в его жизни? Случайная подружка для секса? Девочка на несколько встреч? Летняя попутчица? Молчаливая, тихая, неопытная, влюбленная? И вообще – что она знает о нем? Он ничего не рассказывает.

«Не парься», – вот и весь ответ. Или так: «Меньше знаешь – крепче спишь. Не морочься, Катюнь! Жизнь прекрасна! Живи спокойно и не задавай дурацких вопросов, так будет лучше. Просто поверь взрослому дяде».

Катя пыталась. Но получалось неважно. Страдала, ревновала, подозревала. Мучилась. Похудела на пять килограммов – джинсы сваливались.

Разлюбил? Тогда зачем назначает свидания? Расхотел? Нет, непохоже.

Только где их счастливое лето?

Все закончилось в начале июня, ровно год спустя.

Кирилл пропал. Просто пропал – и все. Перестал звонить и не откликался на звонки.

Где его искать, как? Кирилл Иванов, смешно. Сколько в Москве Кириллов Ивановых? Можно было представить…

Через год убедила себя, что Кирилл погиб, разбился на своем красном блестящем коне. Гонял-то он безбашенно, а все мотоциклисты в зоне риска.

Теперь плакала по нему как по погибшему.

Мама вздыхала, но ничего не комментировала. Ну да, ее любимая фраза – «Кто не знает любовь без предательства, тот не знает почти ничего».

Но разве это могло утешить?

А спустя года три, совершенно случайно – Москва, как известно, город маленький, – в какой-то компании, куда ее притащила Веруня, в окружении почти незнакомых людей – в тот день как-то все выглядело случайным, – услышала разговор: «Кирилл, красный “Харлей”, ха-ха, ну да, слышали, слышали!»

В голове помутнело. О покойнике в таком тоне не говорят. Значит, он жив? В желудке похолодело. Подойти к громким девицам Катя не решилась, боялась, что грохнется в обморок. Шепнула Верке, та согласилась. Подвалила к этим девицам и уточнила:

– Кирилл Иванов? Тот, что врач? На красном «Харлее»? А разве он не того? Ну в смысле, живой?

Девицы с удивлением уставились на незнакомую девушку:

– Кирка-то? Какой «того», ты рехнулась? Жив-здоров и рассекает по всей Европе! В порядке наш Кирка. А может, ты о другом?

Верка обрисовала «своего» Иванова – врач, спортсмен, музыкант, играет в металлической группе. Русые волосы, серые, с прищуром глаза. Жена, с которой он вроде развелся.

Кажется, все сходится?

– Жена? – рассмеялись девицы. – Какая жена, окстись! Сроду он не был женат, никому в загс утащить Кирку не довелось! А баб – да, по всей России! В каждом городе и в каждом селе. Никого не пропускает, о чем ты! Но наш Кирка не врач, какой Кирка врач? Пару месяцев работал фельдшером на «Скорой», ящик таскал. А потом ушел, надоело. Говорит, что он вольная птица и служить ему не пристало. А что, все правильно. Папашка-то у него в Думе заседает. Не знала? А откуда у него такой крутой «Харлей»? Сам заработал? Сейчас вроде пересел на «Ямаху». Ир, ты не знаешь? – Рассказчица обратилась к соседке.

«Харлей», «Ямаха» – какая разница? Врал. Все время врал. Врач, пашет, чтобы прокормить семью. Делает сложные операции, торакальная хирургия. Скандальная, поддающая и неуправляемая жена, несчастье его жизни.

Господи, как она на это попалась? Но главное, что и в голову не пришло хоть что-то проверить! А ведь могла.

А зачем – ей хотелось ему верить.

Похоронила, ага. Свечки ставила за упокой души. Не верила, что он так запросто и легко мог ее бросить.

Дура, дура! Но самое главное – с того дня боль ушла, как не было. И ситуация, которую она считала все это время трагической, за полчаса стала комической. Классика жанра – поспал с симпатичной влюбленной дурочкой и послал. Прошла любовь, завяли помидоры.

Самое обидное было то, что она так долго страдала.

Ведь знай она это раньше – ну пострадала бы, да. Поплакала. Написала бы еще наивные детские стихи о любви.

А потом бы его возненавидела. А когда ненавидишь – перестаешь страдать.

Три года слез, бессонных ночей и терзаний. Три года страданий и боли. Три года беспрерывной тоски. И три года одиночества.

Три года она избегала компаний, дней рождений и прочих увеселений. Она была в трауре. Ну где еще найти такую дуру?

Услышав все это, Верка закатилась в истерике:

– Получила? Смешно, да? Сейчас тебе смешно, а что было до того? Ох, Катька… – посерьезнела Верка. – Весь мой жизненный опыт говорит об одном: не верь этим козлинам! Встречайся, спи в свое удовольствие, принимай подарки – и все! Используй по полной. Выжимай все, что нужно! И – досвидос, чао-какао! В прерию, к таким же диким козлам. Усвоила?

Катя пожала плечами. Боль ушла, а стыд за себя и злость на него остались.

В общем, пережила.

Через полгода встретила Майка, американца. «Ничего себе женишок! – повторяла Веруня. – Вот этого, Кать, упустить невозможно!»

Он очень нравился ей, этот высокий, светловолосый, голубоглазый очкарик с умным и немного растерянным лицом. Майк неплохо говорил по-русски – еще бы, специалист по Достоевскому, осторожно пробовал русскую еду, морщился от холодца и винегрета, обожал блины и кислые щи, прекрасно знал русскую классику и обожал Чайковского.

Вместе они исходили все музеи и облазили все переулки и закоулки Москвы, пару раз смотались в Петербург, в Кострому и Суздаль. Майк окончательно влюбился в Россию и, внимательно глядя на Катю, говорил, что готов здесь остаться.

Так продолжалось почти восемь месяцев.

А потом Майк уехал в Нью-Йорк, как он шутил, на побывку.

Он звонил каждый день и заваливал Катю фотографиями. Докладывал каждый свой шаг: Майк завтракает, Майк идет за газетами, Майк в магазине – перечень покупок прилагался. Майк на вечеринке у старых друзей, Майк в клетчатой пижаме отходит ко сну.

Катя почти не спала – когда у нее был день, в Нью-Йорке ночь, вот и болтали ночь напролет.

Майк обещал через два месяца приехать в Москву: «За тобой, Катрина! И с документами!»

Катя позвонила в Грибоедовский загс и спросила, на какое число есть свободные места.

Майк не приехал через два месяца. И через три не приехал. И через пять. Катя звонила и писала, но он не отвечал ни на звонки, ни на письма и сообщения.

Что-то случилось? Она сходила с ума.

Наконец ответил: «Катрина, прости, я имел небольшие проблемы».

Жив! Слава богу! Ну да, все в жизни бывает! Самое главное, что он объявился.

Катя верила только в хорошее. Потому что таких отношений у нее никогда не было – таких близких, доверительных, откровенных. Майку она могла рассказать все. Ну или почти все, а это уже очень много. Например, про развод родителей, про отношения с отцом, про ее роман с Кириллом, про работу, про свои мечты.

Он умел слушать, этот интеллигентный американский мужчина. Он умел посочувствовать. Он мог заплакать! Мог просто обнять и погладить Катю по волосам, как маленького ребенка.

И тут же, мгновенно, ее отпускало. Она видела в нем надежного старшего брата, заботливого отца, ко всему прочему Майк был прекрасным любовником. Именно с ним, а не с мачеобразным Кириллом в Кате проснулась женщина.

А сколько было совпадений – уму непостижимо! У людей, выросших в разных культурах и говорящих на разных языках.

Они часами бродили по Третьяковке. Могли подолгу сидеть возле любимых картин. Сидеть и молчать, взявшись за руки.

Они понимали друг друга без слов, по глазам.

Они были близки, как неразделенные сиамские близнецы. Вот вам и разность культур! Майк подружился с Ольгой Евгеньевной.

Однажды, во время прогулки по центру, он остановился возле салона свадебных платьев.

– Зайдем? – лукаво улыбнулся он.

Катя кивнула. Значит, он принял решение? И совсем скоро, возможно, сегодня, он сделает ей предложение?

Он молча бродил по салону.

Продавщица с удивлением смотрела на молчащую, скромно стоявшую в стороне Катю.

Наконец он выбрал.

– Это? – Он повернулся к Кате.

Катя кивнула.

И здесь – надо же! – и здесь они совпали! Если бы Катю спросили, она бы без сомнений указала именно на это платье! Узкое, изящное, безо всяких лишних деталей и украшений, в меру скромное и при этом нарядное. Словом, именно то, что и нужно!

– Окей! – улыбнулся Майк, и они вышли на улицу.

Платье не купили, но Катя ничего не спросила.

Решила так – наверное, он привезет что-то похожее из Америки, возможно, так будет дешевле, потому что цены в салоне были заоблачными.

Итак, он жив, и у него были небольшие проблемы. Катя пришла в себя, а вот мама и Верка были настроены весьма скептически – неужели он не мог написать? Пусть пару слов, но написать: «Жив, не волнуйся, решаю проблемы».

– А если он попал в тюрьму? – сказала Катя.

Мама охнула, а Верка рассмеялась мефистофельским смехом:

– Ну ты даешь, Катька! Сейчас здесь, в России, можно звонить из тюрьмы! А уж там, в демократической Америчке! Как всегда, хочешь выгородить и оправдать! Но я тебе не поддержка.

– Да, Катюш… – осторожно вставила мама. – Как-то странно, Вера права.

Катя махнула рукой: с вами не о чем говорить.

А спустя какое-то время Майк прислал фотографии. Со свадьбы.

Все как положено: жених в черном фраке с бабочкой, невеста в белом платье и фате, алтарь в католическом храме, гости со счастливыми улыбками. И очень обстоятельные подписи: «Это мои мама и папа, это – родители моей невесты Джессики. Это моя сестра Николлета, а это кузен Джордж».

Ну чтобы Катя была в курсе.

И коротенькая приписка: «Катрина, дорогая! Так получилось, что я встретил Джесс. Джесс – моя первая любовь и первая женщина. Наши родители большие друзья. Катрина, ты сможешь меня простить и порадоваться за меня? Я очень счастлив».

– Идиот! – орала Верка. – Он конченый идиот! Катька, какое счастье, что у вас ничего не получилось! А представь, если бы ты вышла за этого идиота и уехала с ним в его сраный Нью-Йорк? Кать, у него точно диагноз! Он шизофреник, я тебе отвечаю! А что ты, подруга, ревешь? Тебя же просили порадоваться! Вот и радуйся, – хмуро добавила Верка. – Радуйся, что пронесло.

Как можно было не согласиться с подругой? Верка права, там точно диагноз. Или она, Катя, что-то не понимает и это и есть разная ментальность?

И все-таки Катя страдала. Второй раз и так похоже… Выходит, дело в ней, а не в них? Что в ней не так? Какой в ней изъян?

– Просто тебе фатально не везет, – успокаивала мама. – И вообще, нормальных среди них – пара процентов! Вспомни моего несостоявшегося женишка из Ульяновска! Ну и добавь всех остальных: муж тети Юли, Веркин папаша, Костик, Веркин жених.

Мама увлеченно перечисляла мужей своих коллег и знакомых, но Катя по-прежнему думала, что дело именно в ней.

Какими же она обросла комплексами после этого придурошного Майка! Даже пришлось обратиться к психологу.

– Катюша, – говорила мама, – ну в конце-то концов! Хватит страдать. Никто из этих, – мама презрительно фыркала, – не стоит твоей слезинки! И кстати, доченька! Сейчас совсем не обязательно связывать себя узами брака! Это в мое время так было принято. Но времена изменились. Ты взрослая, состоявшаяся, серьезная и симпатичная женщина. Ты состоялась как личность и как человек. С кавалерами у тебя все в порядке. И ты вполне можешь родить ребенка без мужа – сейчас такое сплошь и рядом! Я еще в силах, и ты можешь рассчитывать на мою полную помощь. Вырастим, Катя. Не сомневайся, что вырастим! Ты только решись.

– Нет, мам. Так я не хочу. Сама росла без отца и знаю, какие комплексы испытывают и мать, и ребенок. Должна быть семья. И прошу тебя! Пожалуйста, больше не возвращайся к этой теме!

Чемоданов встретился на ее пути через четыре года. До этого были легкие, необременительные и короткие отношения. Но ни разу Катю не зацепило.

Итак, Чемоданов. Ну и фамилия! Да из-за одной фамилии ни о чем серьезном и думать смешно – мадам Чемоданова, как вам? Госпожа Чемоданова. Верка

называла его Саквояж: «Ну что? Как там твой Саквояж?»

Чемоданов был среднего роста и с очень спортивной фигурой – широкие плечи, красивая, в кубиках, грудь, красивые руки и чуть кривоватые «кавалеристские» ноги. Все понятно, бывший военный. В общем, производил впечатление человека серьезного и устойчивого. Кстати, свое увольнение из армии он прокомментировал скупо: «Так получилось». И про свою службу Чемоданов никогда не рассказывал.

Он вообще был не из болтунов. Говорил скупо и по делу – мачо и настоящий полковник.

– Срачо, – мрачно бурчала Верка, – вечно тебя тянет на таких! Темные лошадки загадочности нагоняют. Был у нас один загадочный. Может, хватит? И вообще, Кать! Может, хватит проколов? Хватит быть лохушкой? Надо нанять частного детектива и все разузнать! Все-все подробности: где бывает, с кем, что за семья, что в прошлой жизни: бабы, жены, дети, включая внебрачных. Ты меня поняла? Умоляю, денег на это не жалей! А то снова будем ставить свечки за упокой! – Хотя… Уж лучше такой зануда, как Чемоданов, чем веселый бездельник мотоциклист или американский интеллектуал, большой специалист по Достоевскому…

Конечно же, Веркино назидание Катя проигнорировала, еще чего не хватало!

Но Чемоданов правда казался странноватым. Например, был он жестким вегетарианцем, а к любым фанатическим проявлениям Катя, а особенно Верка, относились с большим подозрением: здоровый мужик и без мяса? Ну точно придурок!

Как истинный вегетарианец, Чемоданов не носил ни кожаных, ни меховых вещей, только синтетику.

Ладно, все это можно было бы пережить.

А вот его маниакальную чистоплотность пережить было трудно.

Катя отнюдь не была неряхой, но тут! Какой-то ужас: белые носки к белым, темные к темным. Белые кроссовки Чемоданов стирал раз в неделю. Рубашки крахмалил. Кастрюли надраивал так, что в них можно было смотреться как в зеркало и даже, глядя в них, накрасить ресницы.

– Не мужик, а робот! – возмущалась Верка. – И как с таким жить? А если ты не помоешь посуду, что тебя ждет? Нет, Кать, это не шутки! Ты уточни!

Мама, тихо вздыхая, смотрела на Катю глазами больной собаки.

Да, педант. Аккуратист. Чистоплюй. Но Кате он нравился. Кажется, впервые после предательства Майка она влюбилась. Ей нравилось и то, что Чемоданов никак не стремился заселиться в ее замечательную квартиру. Он жил в съемной, ужасной, убитой однушке у черта на рогах и окнами на Кольцевую.

Квартира Чемоданова была настолько убогой, что Катя бывать там отказалась.

Как он ни старался, как ни отдраивал ее, как ни прикрывал ковриками и картинками драные стены, убогость и нищету не прикроешь.

За окнами без передышки гудела Кольцевая, черная пыль была нестираемой, сразу после уборки ложилась густым плотным слоем.

К тому же публика в доме жила самая что ни на есть маргинальная.

– Как ты можешь здесь жить? – спросила однажды Катя.

Чемоданов пожал плечами:

– Нормально. Потому что я знаю, что это явление временное, и я обязан его пережить.

– Но ты же вполне нормально зарабатываешь, неужели не можешь…

Чемоданов ее перебил:

– Не могу. Я, Катя, коплю на дом. Дом моей мечты. Семейное гнездо. Участок у меня есть, остался от бабки с дедом. Участок прекрасный, лесной, пять берез и восемь сосен! – У Чемоданова загорелись глаза. Катя ни разу не видела его в таком радостном и счастливом возбуждении. – Ты даже не представляешь, какой это участок! А между березок полянка! Травка нежная, изумрудная. А под березами растут грибы! Подберезовики, сыроежки, а у забора колония маслят! В детстве, когда я туда приезжал, мы с дедом собирали грибы, и бабуля их жарила. Вот представь – пятнадцать минут прогулки на собственном участке, и на ужин картошка с грибами! – Вспомнив, Чемоданов причмокнул. – И земляника за домом, и ландыши! А у крыльца куст жасмина – огромный, с гору! А запахи, запахи! Просыпаешься ночью от стука дождя по крыше, окошко открыто, и запах жасмина. Ты представляешь?

Катя пожала плечами. За городом ей нравилось, но коротко, сутки, не больше. Пожарить шашлыки, пройтись по лесу, сходить на речку – и в город, в город, в цивилизацию! К душу, теплому туалету, на диван к телевизору. Нет, загородная жизнь явно не для нее.

Как-то в мае, в самой его замечательной середине, когда появилась новая, свежая, сочная травка, а на деревьях трепетали первые клейкие листочки и стояла лучшая погода на свете, когда нет жары, а есть тепло, и яркое солнце, и чуть заметный свежий ветерок, и все пахнет свежестью, новизной и надеждой, они поехали на старую чемодановскую дачу.

Дача располагалась в шестидесяти километрах от Кольцевой. Но был будний день, и после сорокового километра дорога опустела, они прибавили скорость и помчались вдоль маленьких деревушек с кособокими домиками, вдоль закрытых высокими стенами коттеджных поселков, вдоль зеленых густых лесов и бескрайних зеленых и желтых полей, и Катино сердце наполнялось свободой и радостью.

Чемоданов посмотрел на нее и улыбнулся.

– Хорошо ведь, правда?

– Хорошо, – согласилась она. – Не просто хорошо, а очень здорово!

Заехали в маленькое кафе у дороги, где пышногрудая официантка кокетливо, как старого друга, поприветствовала Чемоданова, при этом проигнорировав Катю.

Это было забавно.

Но еда в забегаловке была и вправду отличной. Бордовый, обжигающий борщ с мозговой косточкой, пышные, пахнувшие чесноком котлетки с нежным пюре, отличный кофе и свежие, еще теплые, сладкие булочки.

– Нина сама все делает. – Чемоданов кивнул на пышногрудую. – И повариха тут, и официантка, и хозяйка. Вкусно, правда? – с гордостью, словно Нина его жена, спросил Чемоданов.

– Еще как! – пробурчала Катя с набитым ртом. – Восхитительно! Но кажется, – улыбнулась она, – Нина тебя приревновала.

Чемоданов уставился на нее, как на музейную редкость:

– Чего? – спросил он. – В каком смысле?

Катя махнула рукой.

Нельзя сказать, что он был человеком без юмора. Но иногда Катя терялась – в какие-то вещи он не въезжал совершенно и шуток не понимал. Странный он все-таки.

Поселок был старым, и это бросалось в глаза – из-за разросшихся садов и лесных деревьев скромные домики почти не видны. В пятьдесят третьем чемодановскому деду, научному работнику, институт выделил участок. Вернее, не выделил – он сам выбрал участок, были у него какие-то привилегии.

Участок дед облюбовал у самого леса, на краю поселка, соседи с одной стороны, с другой – густой лес. Темный, малахитовый, хвойный, совсем сказочный.

За лесом речка – неширокая, но шустрая, с быстрым течением.

Берег песчаный, пологий, в далекие шестидесятые в речке водились и рыба, и раки. А лес был полон грибов.

И грибником, и рыбаком дед был знатным, рассказывал Чемоданов.

Бабушка за пределы участка почти не выходила, она сажала цветы. Но не тут-то было – в те годы правление дачного кооператива требовало полезные посадки – да-да, именно требовало! Были и нормативы – например, пять плодово-ягодных кустов, десять плодовых деревьев, несколько грядок с овощами и фруктами, а уж цветочки – дело личное, как говорится.

– Неужели такое и вправду было? – Кате не верилось.

– Было, – уверенно подтвердил Чемоданов. – Еще как было – по участкам ходили комиссии из активистов и пересчитывали посаженное.

Приходилось сажать. Отсюда и кусты малины, смородины, крыжовника, и яблони, и сливовые деревья.

Кстати, потом и бабка, и дед увлеклись сельским хозяйством и даже получали призы! И до сих пор не выродились чудесные малина и смородина, и замечательные антоновка и коричные, а уж в урожайный год, – Чемоданов блаженно прикрыл глаза, словно вспоминая запах и вкус душистых яблок, – в урожайный год ящиками увозили! Варили, парили, сушили, закатывали, да еще и всем раздавали! И посмотри – все живо и все плодоносит! А ведь после ухода стариков никто за ними не ухаживал.

По участку Чемоданов ходил с таким блаженным и умиротворенным лицом, какого Катя никогда у него и не видела.

Старая дачка, с остатками зеленой краски и резным, кружевным, когда-то белым, а теперь облезлым, балкончиком и задиристым петушком-флюгером на крыше, доживала последние дни. Чуть покосившаяся, наклоненная на левый бок, с мутными окнами, небольшой терраской и поколовшейся шиферной крышей, она, казалось, грустила. А сколько счастливых, радостных и шумных дней она видела, какая большая и дружная семья собиралась на этой терраске, где стояли самовар и толстые дачные чашки в красный горох – грубые, тяжелые, но любимые и уютные, в которых дымился густой темно-бордовый чаек,

сдобренный ароматными травами – листьями смородины, иван-чая и душицы.

Дразня и зазывая, на большом блюде лежали свежеиспеченные бабушкины плюшки – с вареньем, тушеными яблоками и просто посыпанные сахарным песком. Кстати, последние, «пустые», как называла их бабушка, маленький Чемоданов любил больше всего. В простой керамической вазе стоял пышный букет только что срезанных флоксов, и их неповторимый аромат витал по всему дому.

После чая дед спал в гамаке, а бабуля уходила к цветам.

– И как здесь все помещались, – недоумевал Чемоданов, – уму непостижимо! Дед с бабушкой, я, бабушкина племянница старая дева Зиночка, смешная, пугливая и плаксивая, – дед над ней насмехался, а бабуля жалела. Еще дедов брат, мой двоюродный дед, но я считал его дядей – назвать его дедом язык не поворачивался! Красавец, пижон, страшный модник! А с какими дамочками он приезжал! Вся улица пялилась. Веселый был, заводной: коньяк, картишки, песни под гитару. Пел он здорово, а вот актер из него не получился. Я его обожал, а родня считала отщепенцем, аутсайдером и относилась к нему настороженно. Все Чемодановы – люди серьезные, у всех семьи, а тут на тебе: жуир, бонвиван и гуляка, и к тому же актер. – Чемоданов вздохнул. – Он как-то странно исчез, дедов брат, мой любимый дядька. Странно и неожиданно: был человек и нет… Другое время, другие люди…

Родители приезжали на выходные. В субботу утром Чемоданов вставал чуть свет и караулил их у забора.

Никакие уговоры и объяснения не помогали – да, он знал, что раньше обеда они не приедут: пока выспятся, то да се, как говорил дед, пока соберутся и пока доедут, – в общем, гуляй, Вадька, и отдыхай! Но Чемоданов разумных доводов не слушал – а вдруг приедут раньше, вдруг что-то изменится? Он очень скучал.

Но ничего не менялось, и, еле таща тяжеленные сумки, набитые с трудом добытым мясом, колбасой, сладостями и черешней для сына, усталые родители появлялись к обеду.

За обедом Чемоданов ел плохо, было не до еды.

Он был так счастлив, что болело где-то в груди, – вот они наконец-то все вместе: папа, мама, бабуля и дед, и любимый дядя, и даже глупая Зина. Все еще вместе, и все шутят, и смеются над влюбленной в красавца-дядьку Зиной – «старой дурой», как ворчал дед. Все здесь, на любимой терраске, с любовно накрытым столом. Бабуля, как всегда, постаралась – окрошка, котлеты с жареной картошечкой, кисель из собственных ягод и яблочный пирог.

Добравшись, мама тут же надевала цветастый, «дачный», с широкой юбкой колокольчиком, сарафан, и папа скидывал рубашку и брюки и облачался в дачные шорты и майку, между прочим, очень потрепанную. Родители… молодые, красивые и очень счастливые. Дед и бабуля, еще совсем не старые и не дряхлые, полные сил и планов. Дача, построенная для семьи и маленького Чемоданова, любимого внука, бабулины цветы, запах жасмина, сладкие, крепкие яблоки. И все они вместе. Вся семья. И никто не знает, что все это будет продолжаться совсем недолго… Слава богу, что не знают.

А вечером будут шашки, или шахматы, или лото – его любят бабуля и Зина, но он, Чемоданов, не очень. А назавтра, если не будет дождей – хорошо бы не было, – они пойдут в лес или на речку. Лучше б на речку, понырять и поплавать. Но и в лес тоже неплохо, дед знает лес, с ним интересно!

– У меня было очень счастливое детство, – грустно вздохнул Чемоданов и повторил: – Да, очень счастливое. Но до поры. Сначала пропал дедов брат. А потом погибли родители. Помнишь ленинаканскую авиакатастрофу в декабре восемьдесят восьмого? Мои были на этом «Иле», летели к папиному армейскому другу в отпуск, встречать Новый год. – И Чемоданов надолго замолчал. – После этого дед и бабушка сразу сдали, резко, за полгода превратились в настоящих немощных стариков. Первым ушел дед, а спустя два года бабуля. Вот такая история, Кать.

– Счастье всегда до поры, – ответила Катя. – Думаешь, у кого-то по-другому?

Чемоданов пожал плечами:

– Про других не знаю. Знаю про себя. Просто, когда ты привык к хорошему, трудно нырять в ледяную воду.

В тот день Катя поняла, что для Чемоданова эта старая милая дачка не просто сакральное место, а настоящее семейное гнездо.

Да, старый домик сносить было жалко, в нем вся прежняя жизнь. Но и оставлять его тоже нельзя, нет места для постройки нового, того, о котором Чемоданов мечтал, который сам спроектировал и на который копил.

В тот день он разжег старую, потрескавшуюся печку – из ее щелей потянуло дымком, – достал термос с чаем и приготовленные бутерброды, и они сели на терраске перекусить.

В нежилом, непротопленном доме было довольно сыро и прохладно, на дворе стоял поздний август, но после чая они согрелись, и Чемоданов бережно и аккуратно достал проект нового дома.

Катя была в потрясении – все там было продумано до мелочей, кухня и столовая, гостиная с камином, ванные комнаты и туалеты, три спальни и кладовая, погреб и финская банька.

– Три спальни? – спросила Катя. – А для кого?

– Для детей, – коротко ответил Чемоданов, – одна для родителей и две для детей.

И все, молчок, никаких объяснений. Все-таки странный он, Чемоданов. Привез ее, разложил все бумаги – и все, тишина.

Никаких там «а как тебе», никаких «как ты думаешь», ничего, а? Ведь Катя дизайнер. Уж кто, как не она, умела представить то, что в итоге получится.

Представить, расставить, повесить, расположить. Тут кресла, а тут диван. Тут встанет комод, а тут обеденный стол. Тут хорошо бы книжный стеллаж, а тут этажерка.

Чемоданов слушал внимательно. С чем-то соглашался, по поводу чего-то возражал. Даже немного поспорили.

Вдруг Катя подумала: «О чем я, о чем? Кто просит моего совета, кто предлагает мне поучаствовать? – И, резко сникнув, откинулась на спинку стула и посмотрела на часы:

– Нам не пора?

– Хочешь ехать? – почему-то расстроился Чемоданов. – Ну ладно, поехали… Знаешь, я всегда с таким трудом уезжаю отсюда.

Яблоки – а как их было не взять – собирали молча, сосредоточенно, словно не было дела важнее. Набрали две здоровые икеевские синие сумки, и машину затопило невозможным ароматом антоновки.

В дороге молчали. От воздуха и наплывших сумерек клонило в сон. Катя закрыла глаза.

Вот интересно – что у этого Чемоданова в голове? Две детские комнаты, детский туалет. Значит, строит планы? Но мне ни слова. Выходит, я в его планы не вхожу? А дальше все было тоже странно – впрочем, у Чемоданова все было странно. Как и сам Чемоданов.

К весне началось строительство дома, и Чемоданов мотался в поселок почти ежедневно. Следил, как заливают фундамент, возводят стены и перекрытия, кроют черепицей крышу.

Не дал спилить ни одно дерево, ни один куст.

Все выходные проводил там же, на месте. Так и говорил: «Я на месте».

Иногда брал с собой Катю. Она давала советы, Чемоданов прислушивался, но последнее слово было за ним. Катя не настаивала – кто тут хозяин? Правильно, он, Чемоданов. А кто тут она? Какое отношение она имеет к этому дому? Каков ее статус? Зачем она тут? Зачем тратит время, дает советы? Разве она имеет отношение ко всему этому? К этому красивому дому, к этой спальне и детским комнатам? Зачем она советует, какую положить плитку, и помогает выбирать кухню? Какая странная роль ей отведена в этой истории…

Но вопросов по-прежнему не задавала.

Верка орала, что она, Катя, дура. Мама – что бывало не часто – Верке поддакивала. Катя замыкалась и правда чувствовала себя полной дурой.

– Так задай ему вопрос, – кипятилась Верка. – Спроси напрямую.

– Что спросить? – не выдерживала Катя. – «Миленький Чемоданов! Ты возьмешь меня замуж? А когда, миленький Чемоданов? Стоит ли мне ездить на твое место или не стоит? Если не возьмешь – больше не поеду! Зачем мне тратить время и силы? А может, ты хочешь получить бесплатные советы? Тогда нет, извини! Каждый труд должен быть оплачен! Ты же меня не нанимал, немиленький Чемоданов!» Ты, Вера, прежде чем давать советы и считать себя самой умной, разберись со своим бесхребетным Костиком. И перестань наконец быть содержанкой. Хотя какая ты содержанка, – хмыкала Катя. – С содержанками спят! А ты, как инвалид, получаешь бесплатное пособие.

– Не твое дело, – фыркала Верка. – И потом, откуда ты знаешь, сплю я с Костяном или не сплю? Ты разберись со своим Саквояжем!

Но вот что было совсем странным во всей этой ситуации – Катя полюбила этот еще не готовый дом, и этот участок, и сам поселок, зеленый и тихий, думала о них по ночам и даже скучала.

Представляла, какую купить мебель, мысленно развешивала шторы и люстры, покупала вазы и расставляла в них цветы.

Глупость, конечно. Еще какая глупость! Никто в спутницы жизни ее не приглашал. И в сожительницы, кстати, тоже.

Жили они, как прежде, каждый у себя: Катя в своей прекрасной квартире, а Чемоданов в своей ужасной, с видом на Кольцевую дорогу. Правда сейчас, довольно часто, он ночевал на даче – на месте.

Спал на раскладушке, грелся обогревателями, перекусывал чем придется, а с раннего утра мчался в Москву на работу.

– В твоем возрасте худшее – неопределенность, – вздыхала мама.

Катя не отвечала, что тут ответить.

Любила ли она Чемоданова? Этот вопрос она себе не задавала. Но отказаться от него не могла. Привязанность, страх одиночества, просто привычка – Катя не понимала и не старалась понять.

Знала одно – человеком он был обстоятельным, той самой стеной, мужиком, а что там дальше, никто не знает.

И да, еще – Кирилл был ее первой любовью. А сколько было пролито слез и чем все закончилось? Правильно, трагикомедией.

Следующим был Майк. Там было все – любовь, страсть, совпадение по всем вопросам, понимание, единомыслие, а главное – полное, полнейшее доверие.

И чем все закончилось? Даже не трагикомедией – банальным фарсом.

Что будет дальше, не знает никто.

А если завтра всемирный потоп или кирпич на голову?

В общем, так и жила.

* * *

Ну вот и приехали, улица Мосфильмовская. Обычный кирпичный дом шестидесятых годов. Девять этажей, квартиры так себе, небольшие кухни и весьма средние комнаты. Потолки тоже средние, не на голове, но и не «ах», без размаха.

Зато звукоизоляция неплохая, не то что в панельках.

В общем, дом и дом, ничего примечательного, да и не мечтали в те годы о примечательном, отдельная квартира сама по себе огромное счастье. К тому же

прекрасное место: Воробьевы горы, Москва-река, да и до центра рукой подать. В общем, как сейчас говорят, – отличная локация.

И публика приличная: актеры, режиссеры, художники.

А вот подъезд был так себе. Обычный подъезд с крашенными зеленой масляной краской стенами, ступеньки со сколами, с тусклыми лампочками на лестничной клетке и старым, скрипучим, замызганным лифтом.

Катя поднялась на третий этаж и увидела древнюю, потертую дерматиновую дверь со стертыми металлическими гвоздиками, теперь уже точно винтажную. В общем, видавшая виды дверь-пенсионерка, теперь таких и не найдешь. А вот ручка на двери была необычная – витая, бронзовая, увесистая даже на вид.

Катя провела по ней и ощутила ее холодок. Точно бронза и точно старинная. Надо же – на такой хлипкой двери! Она нажала на звонок.

Открыла ей пожилая женщина очень маленького роста, с нервным, обеспокоенным, сморщенным личиком, с ярко-рыжими, в красноту, плохо прокрашенными, закрученными в тощую гульку волосами.

– Вы кто? – строго и недовольно спросила она.

– Я Катя. От Юлии Павловны. Она должна была вас предупредить.

– Предупредила, – с явным неудовольствием ответила женщина и нехотя пустила Катю в квартиру.

Внутри был полнейший бардак. Сваленные в кучи посреди коридора вещи, небрежно брошенные на пол книги. Везде – на столах, комодах и тумбочках – стояли чашки, бокалы, вазы и вазочки разного калибра, тусклые подсвечники, деревянные, фарфоровые и металлические шкатулочки и шкатулки, тарелочки и блюдца, большие блюда и тарелки для первого, голубая, в цветочек, явно старая супница – предмет уж совсем ненужный и лишний, разномастные витые вилочки и ложечки с кручеными ручками.

Это был даже не бардак, а настоящее стихийное бедствие.

Рыжая тетка, сурово сдвинув тонкие, неровно нарисованные черным карандашом брови, напряженно смотрела на Катю.

Обведя взглядом комнату, та совсем растерялась и беспомощно на нее посмотрела.

– Мне сказали, – Катя запнулась, – что вы кое-что продаете.

Тетка молча кивнула.

– Так вот, – продолжила Катя, – покажите, пожалуйста, что именно. Я же не могу копаться в чужих вещах.

Тетка усмехнулась:

– Да все! Все продаю, весь этот хлам, все барахло, что Милька копила всю жизнь! Нет, вот скажи мне! – И она вперилась в Катю недобрым взглядом. – Вот на черта? Вот на черта все это? Всю жизнь говно собирать, тряпки эти, салфеточки, стакашки и чашечки? Ладно бы было что-то стоящее, ценное! Хрусталь или посуда приличная, «Мадонна» например! Ковры нормальные. А это? – тетка ткнула рукой с ободранными ногтями в пространство. – Старье и помойка! Я уже начала выносить. А мне, знаешь ли, это не просто, артрит у меня, радикулит. Печень больная, давление. А тут таскать не перетаскать! В общем, Юля твоя мне посоветовала все это продать! Ага, думаю, как же, где найти дураков на Милькины ценности? Ладно, хочешь – смотри. Сама ковыряйся. Чего найдешь – спросишь цену, если договоримся – забирай. А я на кухню, там тоже работы полно. Мне послезавтра домой, к внукам, а завтра к нотариусу. И чего ему надо? Была ведь уже! Правила ваши столичные… Короче, дел у меня невпроворот, а тут еще вы, покупатели! – Она вышла из комнаты.

Катя стояла посередине комнаты и размышляла – уйти сразу или посмотреть для видимости. Ради тети Юли. Дура она – Веруну поверила. Ага, «художница с «Мосфильма», «Эмилия обожала антиквариат», «много интересного, наверняка есть ценные вещи», «непростая была старушка» и так далее.

Может, и непростая, но как во всем этом копаться? И стоит ли начинать?

Катя сняла куртку и села на стул.

На кухне что-то громыхнуло, она вздрогнула.

Противная тетка, бррр. Кошмарная. Ей досталась квартира в столице, не в самом, между прочим, паршивом районе. Вот так, ни за что, как говорится – с неба упало. А она? И с сестрой своей не дружила, и родственных связей не поддерживала, не перезванивались и не писали друг другу. Не помогала бедной и одинокой старушке ничем – ни деньгами, ни физически. И еще недовольна – хлама много, старья, хлопот дофига. Ну что за люди, ей-богу! А ведь везет именно таким. Зря эта Эмилия ей квартиру завещала. Лучше б хорошим людям. Пусть и не родне. Те бы и ухаживали, и лелеяли, да и проводили бы по-человечески. А потом всю жизнь добром поминали. Хотя и так не всегда бывает, аферистов тоже полно. Боятся одинокие старики кому-то довериться. И правильно делают – наслышаны про черных риелторов и прочую нечисть. И Верка дура – подняла бы толстую задницу, покрутилась немного и заработала квартиру на Мосфильмовской!

Вот что такое одинокая старость – и вполне вероятно, что Катя с этим столкнется.

Она подошла к округлой тумбочке с полукруглыми бронзовыми ручками. Сняла с нее то, что было навалено сверху, и чуть не присвистнула – ого! Похоже на Францию, конец девятнадцатого! Поверхность вполне сохранна, ящики открываются. Лак кое-где треснул, но вскрыть и залачить дело несложное.

Катя отошла на пару шагов и залюбовалась находкой – хороша! Просто красавица, а не тумбочка, Юлия Павловна права. Оживившись, Катя принялась за поиски.

Три синие английские чашечки с блюдцами, рисунок «Охота». На одной внутренняя, почти незаметная трещинка.

Кофейник из той же серии, на носике крошечный, почти незаметный скол.

Сухарница оттуда же, целая. Немного поцарапанное дно, ерунда.

Два бокала богемия, зеленый и синий, похоже на начало двадцатого века.

Серебряные вилочки для лимона, серебряные кофейные, темные от времени ложечки, четыре штуки.

Вилочки для торта в количестве пяти штук, естественно, серебро.

Водочные стопки, пять штук, тяжелые, дно малиновое, похоже на мальцовское стекло. Один бокал для вина, приличный скол, коричневое стекло, Гусь-Хрустальный, похоже на начало двадцатого.

Десертные тарелки, шесть штук, Венгрия, Херенд, красота! Две чуть треснуты, четыре в порядке.

Фруктовые ножи, мельхиор, костяные ручки, четыре штуки, Германия.

Фарфоровая дама с зонтом и собачкой, Чехия.

Фарфоровая сухарница «Виллерой и Бох», с ума сойти, и без изъянов!

Фигурка мужчины, разговаривающего по телефону, – тонкий, с переплетенными ногами в узких брючках пижон. Узкий пиджачок, котелок лежит на столике с телефоном. На лице с тонкими усиками сладенькая улыбка, скорее всего, воркует с дамой.

Изогнулся, как вопросительный знак, явный франт. На клейме – Франция, Севр.

У Кати дрожали руки: «Верка, тетя Юлечка! А я еще сомневалась!»

Перебрав посуду и фарфор, Катя осторожно рассматривала вещи.

Узбекское сюзане, яркое, сочное, жизнеутверждающее. Красота невозможная – его бы она повесила на стену.

Шелковый шарф, нежно-палевый, в центре разноцветная птица Сирин, по бокам цветные, в тон сказочной птице, длинные кисти. Нежный шарф на покатые

плечи.

Шарф пах старым шкафом и пылью – похоже, его давно не носили. Чистый шелк, ручная работа, в этом нет никаких сомнений, китайцы другого не делали.

Пещера Али-Бабы! В такую удачу было сложно поверить.

Следом отыскалось необыкновенное французское бюро с инкрустацией, которому требовалась реставрация, но это уже пустяки. С давних времен, когда Катя подрабатывала в антикварном на Арбате, у нее остался дружок-реставратор, мужик сильно пьющий, но таланта необычайного – какие вещи вытаскивал этот Коля, уму непостижимо! А ведь казалось, что тем вещам оставалась только помойка.

Дальше была потертая горжетка из черной лисы с дивной кружевной подкладкой, и атласная грация на шнурках с вышивкой, и накидка с черным стеклярусом, и шесть настенных мейсеновских тарелок, и латунные рамочки для фотографий, и два старых бархатных, с медными застежками альбома.

У Кати кружилась голова. А если наследница передумает и не отдаст? Или хватится, сообразит – она, кажется, из сообразительных – и заломит бешеную цену?

Она принялась за книги.

Здесь был клондайк. Довоенные издания русских классиков, Тургенев, Гончаров, Гоголь. Миниатюрное издание Пушкина, сказки, иллюстрированные Билибиным. Несколько книг на французском, начало двадцатого века.

Английская книга девятнадцатого века по рукоделию, вышиванию и плетению кружев на коклюшках.

Поваренная книга из довоенной Польши. Пирожные по рецептам французских кондитеров.

И напоследок – набор старинных рождественских открыток! Огромный пакет старинных открыток! Какое-то чудо. Старые открытки Катя обожала и даже

когда-то собирала.

Сердце билось, как бешеное, лоб стал влажным от пота. Она в изнеможении опустилась на стул. Все, сил больше нет. Достаточно. Теперь надо разговаривать с рыжей теткой, а это будет самое сложное. Сложное и противное. Понятно, что та ни в чем не разбирается, но от этого еще хуже и еще сложнее! Такие всегда думают, что их хотят обмануть. Хитрые москвичи непременно захотят облапошить бедную провинциалку.

От волнения пересохло в горле, и Катя пошла на кухню.

– Вот это глянь! – Тетка вовсю шуровала на кухне, перебирая кухонную утварь.

На подоконнике стояли восхитительные медные горшки и азиатские кружки и кувшины. Катя видела что-то подобное в Музее Востока. Азербайджан, восемнадцатый век. А может, и семнадцатый.

– Заберешь? – с надеждой спросила рыжая. – Или выкину, куда мне такое старье и такая тяжесть?

– Заберу, – тихо кивнула Катя, не веря, что это будет ее.

Улов рыжей был довольно жалким – пара старых чугунных сковородок и три небольшие кастрюльки – видимо, Эмилия была не из кулинарок.

Кухонька была маленькой и не очень уютной: сатиновые цветастые шторки, старый буфетик, плита, древний пузатый ЗИЛ и пластиковый рабочий стол. А вот стол обеденный был настоящим, дубовым. Небольшой, овальный, он располагался у окна, за которым открывался чудесный вид на Воробьевы горы.

Да, сидеть за таким столом, пить чай и смотреть в окошко – лучшего пейзажа и не придумаешь!

– Извините, – хриплым от волнения голосом сказала Катя, – а можно попить?

– Чаю хочешь? – неожиданно смилостивилась рыжая.

Катя кивнула. С наследницей надо поаккуратнее, тетка, кажется, непредсказуемая.

Но рыжая, как ни странно, была вполне мила – и чай подала, и печенье, и даже расщедрилась на остатки вафельного торта.

Катя почувствовала, что проголодалась. Она была из тех, кто в волнении или в стрессе тут же начинал есть.

Рыжая села напротив.

– Ну и чего? – со вздохом спросила она. – Нашла интересное?

Катя кивнула.

– Ну и ладно. Ты чайку-то попей, а потом разберемся. Устала я, – вдруг сказала она, – от Москвы вашей устала, от квартиры этой, от бумаг, от хламья Милькиного. От всего! Живу без передыху, понимаешь?

Катя кивнула.

– Вообще без передыху, – продолжала жаловаться наследница. – Дома как? Внуки – раз! Скотина – два! Огород – три! А мне, между прочим, не двадцать! Мне, между прочим, семьдесят три!

– Да что вы! – Катя сделала вид, что сильно удивилась. – А вам не дашь! Вы стройная, моложавая!

– Ну и не давай, – не поддавшись на комплимент, буркнула рыжая, – мне и не надо. На пенсии я, а до пенсии сорок лет за прилавком! А ты знаешь, что такое сорок лет за прилавком?

Катя осторожно покачала головой, всем видом стараясь показать искреннюю заинтересованность.

– А-а! – махнув рукой, протянула наследница. – Врагу не пожелаешь! Товар прими, товар перетаскай – сама, потому что грузчик пьяный в подсобке

валяется. Разложи, рассортируй. Всем все надо, а хорошего с гулькин нос! А родни полдеревни! И все обижаются – родня в магазине работает, а ничего путного не дает! Все враги, понимаешь? Смотрят косо – а как же, небось все себе тащит! А что я таскала? Кило шоколадных конфет? Вареную колбасу, масло сливочное? Иду после работы с сумкой – ага, Райка опять натырила! Своим ничего, все себе! Плетусь еле живая, а взгляды, как пулемет. Пока до хаты дойду – совсем сил не остается. Как расстреляли.

А дома что? Куры, индюшки, накормить их, потом корова – помыть, подоить, молоко разлить и убрать в погреб, вниз по лестнице, а ноги уже не идут.

Ужин там, дети. Муж выпимший. Неплохой вроде мужик, хоть и пьющий. Но безрукий. А знаешь, что такое в селе и безрукий? Знаешь, как с таким жить? Я все сама – прибить, приколотить, поменять, заменить.

Забор сама правлю, потом сын вырос, стал помогать.

Все село надо мной потешается – у Райки муж рукожопый! А что, чистая правда.

Уж какой достался, зато руки ни разу не поднял. А другие бабы всю жизнь с синяками. Детей вырастила. Только выдохнула – внуки пошли. А сил не осталось. Совсем не осталось, понимаешь? А заботы все те же, еще и прибавилось. Сын в город подался и правильно сделал – в селе жизнь тяжелая. С женой промахнулся – дурная баба, скандальная, терпеть ее не могу. Ну и она к нам ни ногой, внучат от сына не вижу. Дочь вышла замуж, родила, а муж в Россию подался, на заработки. А там бабу нашел, ну и бросил мою. С двумя детьми бросил! Дочка иссохла, смотреть страшно. Мужик мой болеет, почти не встает. И опять все на мне. Вот подумала тут – а я ведь вообще не жила! Ни в молодости, ни бабой. Все пенсии ждала, думала – выдохну наконец! Ага, как же, выдохнула! Ой! – вдруг вскрикнула тетка. – А мы ж так и не познакомились! Я тетя Рая, Раиса Васильна! А ты ж Катя, да?

Катя кивнула. И вдруг вместо раздраженной, даже злобной, простецкой тетки она увидела немолодую, усталую и несчастливую женщину, которая всю жизнь все тянула на своем горбу.

И счастливицей, на которую свалилось неожиданное богатство, Раиса не выглядела. А может, она не умела быть счастливой?

– Есть хочешь? – неожиданно спросила Раиса.

Катя растерялась. Вспомнила, что не обедала, – работы было навалом. Только кофе хлестала, чтобы голод забить. Она поняла, что очень хочет есть. Сглотнув слюну, Катя кивнула:

– Ага.

Обрадованная, Раиса бросилась к холодильнику.

– Что у нас тут? – бормотала она, заглядывая в чрево старика-ЗИЛа. – Так, перчики, ага! Супчик куриный. Котлетки. Правда, вчерашние. Макарончики сваренные, рожки. Кать! – обернулась она. – Ты чего будешь?

Катя заверила, что ее устроит все что угодно, любой бутерброд.

– Еще чего! – обиделась Раиса. – Бутерброд! Это вы тут привыкли на бутербродах! А мы без горячего никуда! Давай перчики, а? Свеженькие, с утра накрутила!

И через несколько минут перед Катей стояла тарелка с дымящимися, невозможно аппетитными перцами. Какой от них шел аромат!

Катя сто лет не ела фаршированные перцы. Мама готовила просто и без затей, а бабушкину стряпню она плохо помнила.

Положив в рот первую ложку, Катя застыла от восхищения.

– Вкусно? – обрадовалась Раиса. – Это ж наше, молдавское.

– Вы для себя готовите? – утолив первый голод, спросила Катя. – Не лень?

– Так привыкла. Для меня это плевое дело, а к сухомятке мы не приучены. В шесть встала, в полвосьмого готово. Тебе правда нравится?

Еще бы не нравилось! Восхитительно вкусно.

Катя смаковала, а Раиса сидела напротив и продолжала говорить:

– Наши с Милькой матери были москвичками. Родные сестры, тетя Лена, Милькина мать, и моя, Варвара, в честь бабки. Только тетка оказалась умной, замуж вышла за латыша, Милькиного папашу. Рейнард – тот был большой интеллигент, куда там! Пиджак в клеточку, платочек в кармашке. Люди на него оборачивались. Из Риги он, из хорошей семьи. А моя мать – э-эх, дурочка! С отцом моим в Ленинграде на каникулах познакомилась. Поехала с подружкой и познакомились.

Папа мой из Бельцов, слышала? Красивый был, высокий, плечистый, косая сажень. Волос черный, курчавый. Усы смоляные. А глаза синие.

Ну и пропала девочка Варя. Короче, письма начались, объяснения. Папаша мой писал, что жить без нее не может. В гости звал. Ну она и поехала. Наврала родителям, что с однокурсниками едет на экскурсию в Кишинев, а поехала одна.

Смелая была, отчаянная. Наврала, а сама в Бельцы. Ну там все и сладилось.

Решили, два дурачка, что надо жениться. Мама отбила в Москву телеграмму – выхожу замуж, остаюсь в Кишиневе. Переведусь на заочный.

Катя охнула.

– Ну да, вот и представь, что бабка с дедом почувствовали! Бабка в обморок, дед еле жив. А что делать? Правильно. Ехать в Молдавию, забирать свою дурочку и возвращать в семью, в Москву.

Поехали дед и Лена, старшая сестра, будущая Милькина мама.

Приезжают в Кишинев – а где искать? Ни фамилии его не знают, ни имени, не говоря уж про адрес. Так и вернулись ни с чем, хоть в розыск подавай. Пошли в милицию, показали телеграмму. А толку? Жива, здорова, замужем – какой розыск? В общем, посмеялись над ними. Так и осталась моя мама в Молдавии. Навсегда.

– Не пожалела? – осторожно спросила Катя. – Не хотелось обратно? Москва все-таки…

– Не признавалась, – усмехнулась Раиса. – Упрямая была. Я в нее. Папку любила. А он ее тоже любил, но пил. И вообще неразумный был. Пустой, как барабан. А мы к родне в Москву приезжали! – оживилась она. – На Новый год приезжали, на ноябрьские. Весной не приедешь, самая пахота. Огород, хозяйство. До самой осени. У нас же как: палку воткнешь – назавтра зазеленеет! Урожаи по два, а то и три раза снимаем. Но все равно на селе тяжело. Вот тебе, Катя, вся мамина жизнь – была московской избалованной девочкой, по театрам ходила, по консерваториям. А жизнь прожила в избе, в огороде и на свинарнике. А что, сама выбрала! Зато любовь…

Помолчали. Каждая думала о своем.

– А может, судьба, – тихо откликнулась Катя.

– И она тоже, – кивнула Раиса. – И еще – голова на плечах! Вот тетя Лена, Милькина мать, замуж вышла по голове, а не по любви. Небедный, видный такой. Вальяжный, одет как с картинки. Как иностранец. Любо-дорого посмотреть. Родня в Риге, дача на взморье. Чем плохо? Жизнь прожила хорошую, сытую. Муж был известным врачом-гомеопатом, деньги брал бешеные. Тетка, как Мильку родила, больше ни дня не работала. В шубах ходила, в золоте. Мильке на все лето дачу снимали, на море вывозили. Тряслись над ней, как над чашкой фарфоровой, – морковку терли! Я тогда увидела – не поняла, зачем морковку тереть? Так съесть нельзя? Или у Мильки нет зубов, как у старенькой бабушки? Мы-то как на селе – хвать морковь из земли, об сарафан обтерли – и в рот! И ничего, живые! А тут на терке, да еще со сливками! Смех! Я с малолетства летом в огороде, а сеструха моя двоюродная на морях загорает! Короче, сплошное социальное неравенство, – рассмеялась Раиса. – Так что ты права – у каждого своя судьба.

Тетя Лена умерла молодой, в сорок пять, за месяц сгорела. Хорошо, что Милька уже подросла. И счастье, что бабушка до этого не дожила. А дед дожил и поехал мозгами… Вот ты мне скажи! – Раиса в упор посмотрела на Катю. – За что? Нет, не так – почему? Моя мама всю зиму в ватнике и в калошах. А у тетки было все: муж хороший, здоровая дочка, денег навалом. Одних шуб три штуки! Домработница, курорты разные, здравницы, рестораны. Шикарная жизнь, моя мамка о таком и мечтать не смела. Жить да жить, правда? Но тетя Лена ушла. А

моя мамка, Варвара Петровна, всю жизнь корячилась, то раком, то на четвереньках, руки скрючило, ноги черные от вен, а дожила до восьмидесяти шести. При такой-то жизни. Вот как, Кать? Ты москвичка, умная, образованная. Что, молчишь? И правильно делаешь. Потому что никто ничего не знает. Никто не знает, что ему на роду написано, правильно я говорю?

Катя кивнула.

– Вот что такое судьба… – вздохнула Раиса – Ой, Катерина! – встрепенулась она. – А чёй-то мы с тобой даже не выпили? По граммулечке, за знакомство?

Катя отказалась: машина – веская причина.

– А Эмилия ваша? – спросила она. – Как у нее жизнь сложилась?

– У Мильки? – оживилась Раиса. – А как – хорошо! Правда, не повезло ей, некрасивая она была. Ну не то чтобы совсем… Хотя да, некрасивая. Крупная такая, высокая, полная, в отца пошла. Тоже вальяжная. Тетка моя, мать Милькина, была хорошенькая, стройная, симпатичная. А Милька нет. Зато способная, художественное закончила, с детства хорошо рисовала. Все стены в квартире маляками Милькиными были увешаны. И все восхищались. А по мне, так каракули. Но что я понимаю?

Замуж вышла Милька поздно, в тридцать два. Муж ее, Владимир Сергеевич, по науке был. Хороший человек, но немолодой, на десять лет Мильки старше. И такой, знаешь, как сказать… Неприспособленный. Растерянный, неуклюжий, смешной. Полноватый, лысый, в очках. Не красавец, одним словом, но Мильке вполне подходил. Долго не решался жениться, с мамой жил, такой маменькин сынок, хоть и сорок с лишним. Все мама да мама. Короче, все нервничали. Все, кроме Мильки. Мне кажется, она поначалу к нему не очень была… В смысле, равнодушная. Я как-то слышала, как сестры на кухне шептались, мама моя и тетя Лена, что вроде у Мильки нашей безответная любовь. Крутит с ней один, а толку ноль. И мужик какой-то неподходящий. Не то гуляка, не то пьяница. В общем, влюблена наша Милька, а никакого прока, одни страдания.

А этот Володечка – как его называли, – всеобщий любимец. Все мечтали, что он Мильку замуж возьмет.

А Милька фыркала. А потом поженились, и все у них сложилось.

Как голубки ворковали, читали вместе, кино смотрели. Взгляды у них совпадали, вот как. Любил он он ее, нашу Мильку, на руках носил. В общем, зря она артачилась, сестрица моя. Если бы не Володечка – так в девках бы и осталась.

– А тот, второй? Вернее, первый? – спросила Катя. – В которого она была влюблена?

– Да после свадьбы о нем не вспоминали, не знаю. Может, женился, а может, еще чего. В общем, пропал он, и все, больше не знаю.

А со временем Милька Володечку своего полюбила – все «Володечка да Володечка», то по ручке погладит, то по лысинке.

Не знаю, что там внутри было, – я ж говорила, общались мы мало, у всех своя жизнь. Но с виду парой они были счастливой.

Хотя сколько раз я их видела? Три, пять? У всех своя жизнь была, и у меня забот полон рот, и у Мильки. Говорила, что на работе сутками пропадает, любила свою работу. Потом они путешествовали, всю Россию объездили, от Мурманска до Владивостока, да и за границей бывали. Помню, открытку прислала с видами Рима. А что мне Рим? Мне до Рима, как до луны! До Кишинева бы добраться, а времени нет. – Раиса задумалась и повторила: – Да, хорошо они с Володей своим жили. Каждый любимым делом занимался, он в науке своей, она в кино. Художником по картинам работала. Мы, когда фильмы смотрели, внимательно следили: ага, вот оно, художник – Эмилия Бурская. Наша Милька! Гордились, конечно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/mariya-metlickaya/nezapertaya-dver

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити